

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2025. № 4 (115). С. 67–78.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025,
vol. 115, no. 4, pp. 67-78.

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки)

Научная статья

УДК 34(09) (571.53)

ПРАВОТВОРЧЕСКАЯ РАБОТА В СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ КОММУНАХ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ В 1920-Е ГГ.

Цыкунов Григорий Александрович

Институт государственного права и национальной безопасности Байкальского
государственного университета, Иркутск, Российская Федерация,
tsykunovga@gmail.com

Введение. В статье исследуются вопросы правотворческой инициативы
населения в создании сельскохозяйственных коммун Иркутской области.
Правотворчество крестьян было направлено на разработку и принятие уставов коммун,
закрепляющих организационно-правовую деятельность коллективов. Отмечается, что
первоначально этот процесс носил самодеятельный характер, а затем стал
регулироваться советскими органами власти. Анализируются положения уставов о
приеме и праве выхода крестьян из коллективов, о правах и обязанностях коммунаров,
которые претерпевали изменения по мере развития сельскохозяйственной кооперации.
Рассматриваются правовые основы создания и деятельности органов управления
коммунами, которым были присущи черты демократического централизма.
Отмечается недостаточный уровень правовой разработки вопросов организации
производственной деятельности и распределения материальных благ в коммунах.

Материалы и методы. В качестве материалов использовались научные
публикации, архивные документы, периодическая печать, советское кооперативное
законодательство. Методологической основой работы стал диалектический метод
научного познания. Применение индуктивного и дедуктивного методов позволило
проанализировать нормы местного правотворчества. Системно-структурный подход
оказал помочь в рассмотрении структуры уставов коммун, установлении взаимосвязи
между его положениями. В рамках сравнительно-правового метода выявлены
основные закономерности и особенности различных форм сельскохозяйственной
кооперации.

Результаты исследования. Исследован опыт местного правотворчества на примере уставов сельскохозяйственных коммун Иркутской губернии в 1920-е гг. Выявлены организационно-правовые основы оформления коллективных хозяйств, права и обязанности их членов, создания и функционирования руководящих органов коммун основы. Отмечены изменения отдельных положений уставов в условиях НЭПа, касающихся вопросов организации хозяйственной деятельности, перехода от уравнительного способа распределения материальных благ к распределению по количеству и качеству затраченного труда. Прослеживается эволюция государственной политики к сельскохозяйственным коммунам от самостоятельности и добровольности их образования до государственного контроля над экономической и финансовой сферами их деятельности – вплоть до ликвидации коллективов.

Выводы и заключение. Проведенное исследование свидетельствует о массовых процессах правотворческой инициативы в первые годы советской власти, исходящих от народных масс. Уставы сельскохозяйственных коммун Иркутской губернии являются собой пример непосредственного участия крестьянства в создании норм нового права для хозяйственной деятельности и жизненного уклада. В начальный период сельскохозяйственной кооперации правотворческие процессы на местах получили широкое распространение и носили самодеятельный характер. Однако со временем местное правотворчество вступило в противоречие с государственным законодательством и потеряло свое значение.

Ключевые слова: правотворческая деятельность, местное правотворчество, сельскохозяйственные коммуны, Иркутская губерния, уставы, права и обязанности, правовые основы хозяйственной и жизненной деятельности

Для цитирования: Цыкунов, Г. А. Правотворческая работа в сельскохозяйственных коммунах Иркутской области в 1920-е гг.// Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2025. № 4 (115). С. 67-78.

5.1.1. Theoretical and historical legal sciences (legal sciences)

Original article

LAW-MAKING WORK IN AGRICULTURAL COMMUNES OF THE IRKUTSK REGION IN THE 1920s.

Grigory A. Tsykunov

Institute of State Law and National Security, Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation, tsykunovga@gmail.com

Introduction. The article examines the issues of the law-making initiative of the population in the creation of agricultural communes in the Irkutsk region. The peasants' law-making was aimed at developing and adopting commune charters that consolidate the organizational and legal activities of collectives. It is noted that initially this process was of

an amateur nature, and then it began to be regulated by the Soviet authorities. The provisions of the charters on the admission and right of peasants to leave collectives, on the rights and obligations of communards, which have undergone changes with the development of agricultural cooperation, are analyzed. The article considers the legal basis for the creation and operation of communal management bodies, which had the features of democratic centralism. There is an insufficient level of legal development of issues related to the organization of production activities and the distribution of material benefits in the communes.

Materials and Methods. Scientific publications, archival documents, periodicals, and Soviet cooperative legislation were used as materials. The methodological basis of the work was the dialectical method of scientific cognition. The use of inductive and deductive methods made it possible to analyze the norms of local lawmaking. The system-structural approach has helped to examine the structure of the charters of communes, to identify the relationship between its provisions. Within the framework of the comparative legal method, the main patterns and features of various forms of agricultural cooperation have been identified.

The Results of the Study. The experience of local law-making is studied on the example of the charters of agricultural communes of Irkutsk province in the 1920s. The organizational and legal bases of the registration of collective farms, the rights and obligations of their members, the creation and functioning of the governing bodies of communes are revealed. The changes in certain provisions of the charters in the conditions of the New Economic Policy concerning the organization of economic activity, the transition from an equalizing method of distribution of material benefits to the distribution according to the quantity and quality of labor expended are noted. The evolution of state policy towards agricultural communes is traced from the independence and voluntariness of their formation to state control over the economic and financial spheres of their activities, up to the liquidation of collectives.

Findings and Conclusions. The conducted research testifies to the massive processes of law-making initiative in the early years of Soviet power, emanating from the masses of the people. The charters of the agricultural communes of Irkutsk province are an example of the direct participation of the peasantry in the creation of new legal norms for economic activity and lifestyle. In the initial period of agricultural cooperation, law-making processes on the ground were widespread and were of an amateur nature. However, over time, local lawmaking came into conflict with state legislation and lost its significance.

Keywords: law-making activities, local law-making, agricultural communes, Irkutsk province, charters, rights and obligations, legal foundations of economic and life activities.

For citation: Tsykunov, G. A. Pravotvorcheskaya rabota v sel'skohozyajstvennyh kommunah irkutskoj oblasti v 1920-e gg. [Law-making work in agricultural communes of the Irkutsk region in the 1920s.]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025, vol. 115, no. 4, pp. 67-78.

Образование и утверждение советского государства потребовало создания социалистического законодательства, которое должно было регулировать новые общественные отношения. В первые годы советской власти проявилась особенность правотворческой деятельности, подразумевающая, что наряду с разработкой правовых норм законодательными органами государственной власти проходили активные процессы местного правотворчества. Оно проявлялось в непосредственном участии населения в определении норм жизненной и хозяйственной деятельности. Подобное правотворчество проходило в рамках определенных административных территорий: губерний, уездов, волостей, отдельных населенных пунктов. Местные правовые акты принимались на различных съездах, общих собраниях, сельских сходах. Если на губернском, уездном уровне правотворческая работа определялась и контролировалась соответствующими органами власти, то на волостном и сельском – инициатива исходила от местного населения.

Наибольший научный интерес представляет правотворческая инициатива в создании коллективных форм организации труда в сельском хозяйстве: товариществ по совместной обработке земли, сельскохозяйственных артелей и сельскохозяйственных коммун. Для утверждения советской власти требовалось решение сложного вопроса переустройства хозяйственной деятельности многомиллионного крестьянства на социалистический лад. Наиболее подходящей организационной формой для быстрого решения данной проблемы подходила сельскохозяйственная коммуна. Широкое ее применение объяснялось общинным характером труда и жизнью крестьянства, имеющего вековые традиции.

Следует отметить, что организация сельскохозяйственных коммун проходила вне рамок административного воздействия местных органов советской власти. Губернские и уездные земельные органы устанавливали организационный и политический контроль только после их официальной регистрации. Среди причин, побуждающих сибирских крестьян организовывать коммуны, преобладали экономические мотивы: преодолеть нищету и голод, выйти из кулацкой зависимости, повысить производительность труда. В 1920 году в Иркутской губернии было организовано и зарегистрировано уездными и губернскими земельными отделами 20 сельскохозяйственных коммун [1, с. 217].

При создании сельскохозяйственных коммун требовалось решение наиболее сложной задачи по организационно-правовому оформлению коллектива. Правотворчество крестьян было направлено на разработку и принятие уставов коммун. Первоначально организационно-правовой процесс носил самодеятельный характер, а затем стал определяться задачами большевистской партии. Для этого был разработан и принят 19 февраля 1919 года «Нормальный устав производственных сельскохозяйственных коммун» (далее – «Нормальный устав»), разработанный Наркоматом земледелия РСФСР. Важно подчеркнуть, что этот документ был выработан на основании уставов 21 сельскохозяйственной коммуны с различных мест страны. В нем указывалось, что «Сельскохозяйственная коммуна должна служить образцом братского равенства всех людей в труде и в пользовании результатами труда,

Поэтому желающий вступить в коммуну отказывается в ее пользу от личной собственности на денежные средства, орудия труда производства» [2, с. 2].

Для разработки основных положений уставов созывалось учредительное собрание, на котором обсуждались вопросы приема крестьян в создаваемый коллектив, организации жизни и хозяйственной деятельности коммуны. В одних случаях избиралась комиссия, которой поручалась выработка устава, в других – посыпали письма и ходоков в уездные земельные органы для разрешения различных вопросов организационного и правового характера. Однако и после принятия «Нормального устава» местное правотворчество продолжало обогащать его новыми дополнениями и изменениями. К примеру, в уставах многих коммун Иркутской губернии было зафиксировано положение о том, что уже принятый устав может быть изменен и дополнен при решении общего собрания коммуны.

Цели и задачи сельскохозяйственных коммун во многом определялись коммунистической идеологией как добровольным союзом для ведения социалистического хозяйства, могучим средством борьбы с капитализмом. Важное внимание в уставах коммун уделялось вопросу о членстве, который имел свои особенности и претерпевал изменения в ходе развития коллективов. Так, устав коммуны «Вербовка» Киренского уезда предусматривал следующее: «Членами коммуны могут быть все граждане без различий пола, национальности, профессии, достигшие 18 лет, с их семьями, не лишенные избирательных прав согласно конституции»¹. В ряде коммун вводились ограничения на прием, связанные с тем, что вступающий должен был ликвидировать свои имеющиеся долги. В коммунах устанавливалась высокая степень обобществления: все имущество объявлялось коллективной собственностью. В уставе коммуны «Сельский хозяин» Иркутского уезда было записано: «Все в коммуне принадлежит всем, ничего не должно быть личного, кроме одежды, обуви и др.»². Однако в ряде коммун устанавливалось правило, при котором вступающие вносили в коллективную собственность женские украшения, другие личные вещи.

В уставах сельскохозяйственных коммун по-разному решался вопрос о праве выхода из коллектива. Если в одних уставах допускался беспрепятственный выход, то в других действовали различные правовые ограничения. В коммуне «Сельский хозяин» желающим выйти при наличии не менее одного года работы по решению общего собрания выдавалась часть продуктов и семян, а внесенный живой или мертвый инвентарь возвращался при условии отсутствия долгов у выходящего. Примером жесткого подхода к выходу из коллектива служит устав коммуны «Вербовка», где особо подчеркивалось: «Общее собрание имеет право выдать выходящему его внесенный инвентарь в том случае, если это не внесет расстройства в хозяйство коммуны»³. Интересные положения о выходе зафиксированы в уставе промысловой коммуны в верховьях р. Катанги Киренского уезда, объединявшей в своих рядах в основном охотников и рыболовов. В данном уставе отражены особенности

¹ Государственный архив Иркутской области (ГАИО) Ф. 46р. Оп. 1. Д. 563 Л. 4.

² Там же, Д. 182. Л. 18.

³ Там же, Д. 162. Л. 3.

хозяйственной деятельности коллектива, местные обычаи и традиции. Так имущество, внесенное в коммуну, считалось коллективной собственностью, за исключением оружия и боеприпасов. Желающий выйти из коммуны ранее, чем через пять лет, не получал ничего из внесенного имущества. Подобного жесткого препятствия при выходе из коллектива не было прописано во всех уставах коммун Иркутской губернии. В то же время в этом уставе в пункте 8 находилось единственное положение о социальной защите коммунаров: «В случае болезни илиувечья, постигших кого-либо из членов коммуны, – они выезжают на лечение и снабжаются для этого всем необходимым или выходят из коммуны с получением причитающейся ему части»⁴.

В уставах сельскохозяйственных коммун определялись права и обязанности членов коллективов. В обобщённом виде права коммунаров можно представить следующими положениями:

- свободы в личной и политической жизни;
- проживать в отдельных домах или общежитиях;
- при вступлении в коммуну добровольный взнос имуществом или деньгами;
- получать по своим нуждам продукты, одежду;
- избирать и быть избранными в состав руководящих органов коммуны.

Уставы коммун содержали коллективные обязанности коммун как единого целого: выполнять все государственные повинности, защищать советскую власть; предоставлять детям образование за счет коммуны. В уставах коммуны «Вербовка», «Листвиничная», «Красное знамя» отмечалось, что малолетние, престарелые, больные содержатся за счет средств коллективов [1, с. 219–220].

В уставах, протоколах общих собраний содержатся сведения о формировании морального облика и сознательной дисциплины у коммунаров. Известный исследователь истории коллективизации В. В. Гришаев приводит интересные сведения об одной коммуне Красноярского края, в которой были приняты следующие правила внутреннего распорядка: «за сквернословие, обман, неисполнение работ каждый коммунар подвергался наказанию: в первый раз – объявлялся выговор, при повторении проступка – уменьшался паек и в третий раз – совершивший проступок отправлялся «в распоряжение центральной власти с обвинительным материалом» [3, с. 23–24].

При определении организационно-правовых основ деятельности сельскохозяйственных коммун не исключалась возможность ее ликвидации, поэтому в уставах оговаривалось это действие в условиях сложившихся внутренних экономических причин. К примеру, в уставе коммуны «Красное знамя» Балаганского уезда закреплялось пунктом 76 следующее: «Коммуна прекращает свои действия по постановлению общего собрания в случае невозможности вести коллективное хозяйство или при наличии числа членов менее пяти человек»⁵. Для ликвидации коллектива необходимо было избрать ликвидационную комиссию из членов коммуны и представителя уездного земельного комитета под руководством последнего. При ликвидации сельскохозяйственного коллектива большая часть имущества передавалась в уземотдел.

⁴ ГАИО. Ф. 46р. Оп. 1. Д. 199. Л. Зоб.

⁵ Там же, Д. 563. Л. 4 об.

При анализе уставов сельскохозяйственных коммун Иркутской губернии можно сделать вывод, что деятельность многих коллективов базировалась на основе демократического централизма, хотя об этом прямо не говорилось, что подтверждается тем, что все важные вопросы решались на общих собраниях, считавшихся высшим и законодательным органом. Наиболее отчетливо его функции были определены в уставе коммуны «Красное знамя». Общему собранию принадлежало право по приему и исключению членов коллектива, утверждение соглашений на заключение договоров, установление порядка ведения хозяйственной и внутренней жизни. Собрание могло изменить устав, решать вопрос о ликвидации коллектива, рассматривать жалобы от коммунаров. Собрание признавалось правомочным при присутствии на нем половины членов коммуны. Однако при обсуждении особо важных вопросов, как то: об исключении, добавлении устава, ликвидации коммуны требовалось уже $\frac{2}{3}$ голосов квалифицированного большинства⁶.

Все решения на общих собраниях, как правило, принимались путем открытого голосования простым большинством голосов. Общее собрание избирало исполнительный орган – Совет коммуны и ревизионную комиссию сроком на один год. На Совет коммуны возлагались функции управления всем хозяйством, взаимоотношения с местными органами власти, учета и распределения продуктов питания. Общее собрание избирало председателя коммуны, а Совет коммуны избирал казначея и секретаря. Каждая коммуна имела собственную печать, которая находилась у председателя коммуны. Контроль за руководством коллективом, проверкой отчетов и смет, проверкой состояния имущества возлагался на ревизионную комиссию, состоящую из трех человек. В случае обнаружения каких-либо недостатков в деятельности коллектива созывалось чрезвычайное общее собрание.

Характерной чертой для всех уставов коммун Иркутской губернии являлся низкий уровень разработки вопросов организации производственной деятельности. Первой задачей в налаживании коллективного хозяйства являлось получение и нормативное закрепление земельных участков для коммун. Однако это осложнялось особенностями землепользования в губернии с преобладанием надельного обустройства в пользовании землей. Для решения этого вопроса требовалось объединение малоразмерных крестьянских наделов в коллективные земельные площади. Однако во многих волостях просто не было земельных участков для ведения коллективного хозяйства. Отсутствие в коммунах грамотных работников и специалистов затягивало правовое оформление землепользованием в уездных земельных комитетах и в Губземотделе.

В уставных документах основное внимание уделялось организации коллективного и производительного труда. Согласно пункту 21 устава коммуны «Вербовка» «Каждый должен добросовестно трудиться по своим силам, способностям, не отказываться от работы, подчиняться уставу коммуны, ее внутреннему распорядку, распоряжениям и постановлениям общего собрания Совета коммуны, всячески содействовать экономическому развитию коммуны»⁷. Работа членам коммуны предоставлялась в соответствии с их способностями и здоровьем. При установлении

⁶ ГАИО. Ф. 46 р. Оп. 1. Д. 563. Л. 4. об.

⁷ ГАИО. Ф. 46р. Оп. 1. Д. 162. Л. 4.

продолжительности рабочего дня учитывался сезонный характер и виды работ, возраст работников. Как правило, в период посевных и уборочных работ продолжительность рабочего дня составляла 12 часов. В то же время каких-либо материальных выплат за производительный труд не проводилось. В уставах коммун «Голуметьевская», «Крыловская», «Вербовка» особо отмечалось, что никто из членов коллективов не может получить за свой труд в пределах своего хозяйства особого материального вознаграждения, кроме удовлетворения его потребностей наравне со всеми. В уставах большинства коммун не указывалось, как должны распределяться продукты питания и предметы первой необходимости. Они, как правило, распределялись по едокам. В коммунах, как и во всем советском обществе, плата за труд выражалась в уравнительном распределении по принципу «от каждого по его силам и способностям, каждому по его потребностям». Данное положение было зафиксировано во всех уставах коммун⁸.

В период перехода к НЭПу перед сельскохозяйственными коммунами возникают новые законодательные и организационные условия их деятельности. В 1921 году в Иркутской губернии насчитывалось 22 сельскохозяйственные коммуны, которые объединяли 1 244 членов и располагали 5 214 десятинами земельных угодий⁹. ВЦИК и СНК РСФСР 16 августа 1921 года был принят правительственный декрет «О сельскохозяйственной кооперации», согласно которому сельскохозяйственные коммуны и артели должны вовлекаться в кооперативное строительство. За крестьянской кооперацией признавалось право заниматься снабжением своих членов произведенной продукцией и вести любую хозяйственную и финансовую деятельность. Для этого требовался переход коллективных хозяйств на кооперативный устав с избранием такой формы кооперации, которая наиболее соответствовала виду хозяйственной деятельности коллективов [4, с. 43].

Переход на кооперативный устав сопровождался определенными правовыми и организационными трудностями, которые порой оказывали влияние на сам факт существования коммун. В этом отношении показательным примером может служить ситуация, сложившаяся в коммуне им. Егорова Иркутского уезда, когда двое ее членов при выходе из коллектива потребовали возвращения всего внесенного имущества. Однако в момент создания коммуны был принят устав, по которому выходящий из нее не имел права возврата имущества. Предъявленные в Народный суд иски крестьян на коммуну с требованием возврата имущества были удовлетворены. В своем решении суд исходил из положений кооперативного устава, который отменял прежнюю статью устава коммуны о невозврате внесенного имущества. Таким образом, была создана новая правовая реальность, подразумевающая, что с уходом из коммуны имущих членов в коллективе могли остаться лишь одни бедняки, не имевшие ничего. Все это создавало угрозу ликвидации коммуны. В данной ситуации общим собранием было внесено изменение в устав, согласно которому по вопросу о выходе из коммуны говорилось: «Оставляем в коммуне все свое имущество и не желаем уходить из нее. А в дальнейшем, если кто пожелает уйти из коммуны, должен уйти без имущества,

⁸ ГАИО. Ф. 46р. Оп. 1. Д. 162. Л. 3. Д. 182. Л. 18.

⁹ Там же, Д. 121. Л. 223.

которое целиком в коммуне»¹⁰. Так идеи о коммунистическом труде превзошли «частнособственнические» мотивы и избавили коллектив от разлагающих элементов.

В коммуне «Красное знамя» Балаганского уезда новый кооперативный устав предусматривал выдачу выходящим всего им внесенного имущества, за исключением вступительного взноса и части имущества, необходимого для покрытия имеющихся долгов выходящих. Добровольно выходящие обладали правом после утверждения годового отчета общим собранием участвовать в распределении прибылей коммуны. Исключенный из коллектива такого права не имел. Однако, если выдача отдельных сельскохозяйственных орудий могла отразиться на хозяйстве коммуны, принести убытки, то устав предусматривал следующее: «Если имущество выходящим не будет выдано, то по постановлению общего собрания выдается денежное вознаграждение в размере средней рыночной стоимости»¹¹. Все эти постановления были направлены на сохранение контингента рабочих рук в коллективе и предупреждение возможных убытков, вызванных выходом так называемых неустойчивых членов.

Во второй половине 1920-х гг. вносятся новые изменения в уставы большинства сельскохозяйственных коммун, закрепляющих право выбывающих на получение 75 % стоимости внесенного различного рода сельскохозяйственного и личного имущества, а также земельный участок. Так, устав коммуны «Ленинская заря» Аларского аймака предусматривал следующее положение: «Выбывший из коммуны имеет право не позднее месячного срока по утверждению годового отчета получить 75 % переданного имущества при вступлении в коммуну»¹². Увеличение размера по выплатам за внесенное имущество нередко приводило не только к внутренним конфликтам в коммунах, но и к ликвидации самих коллективов. Как правило, выходящие коммунары требовали самых лучших участков земли, дефицитных сельскохозяйственных орудий.

К середине 1920-х гг. возникли необходимые политические и экономические предпосылки по реорганизации правовой и хозяйственной деятельности сельскохозяйственных коммун. В этот период наметился переход от уравнительного способа распределения материальных благ к распределению по количеству и качеству затраченного труда. В коммунах пытались апробировать различные варианты организации труда. На общем собрании коммуны «Икинат» Аларского аймака было принято решение о введении поденной оплаты труда, зафиксированное затем в уставе. Согласно нововведению все мужчины от 18 до 55 лет получали поденную оплату по 55 коп. в день, женщины от 18 до 50 лет – по 45 коп., подростки от 16 до 18 лет – по 45 коп. Из этих ставок вычитались средства на общий стол, согласно расходам по столовой. Денежные вознаграждения распространялись и на детей коммунаров, которые помимо бесплатного питания получали по одному рублю в год [1, с. 221].

В 1924 году Наркомзем РСФСР после рассмотрения первого опыта сельскохозяйственной кооперации рекомендовал коллективным объединениям переходить с устава коммун на устав артели и наоборот. В 1925 году коммуна им. Егорова первой в Иркутской губернии перешла на устав сельскохозяйственной

¹⁰ Власть труда. 1923. 16 марта.

¹¹ ГАИО. Ф. 46р. Оп. 1. Д. 563. Л. 4.

¹² ГАИО, Ф. 1061р. Оп. 1. Д. 21. Л. 3.

артели. На общем собрании коммуны было принято решение о переходе к сдельной оплате труда и введение принципа материальной заинтересованности. Существенные организационно-правовые изменения происходили в коммуне «Красное поле», также перешедшей на устав сельскохозяйственной артели. В этом коллективе естественным образом сочетались элементы коммуны и артели. При обработке земли коллективным способом члены коммуны вели индивидуальный образ жизни. Важно отметить, что каждой семье выдавался определенный живой и мертвый инвентарь, а собранный урожай считался общественным. За счет коммуны содержались школа, мастерские и другие хозяйствственные помещения. В 1925 году после обследования этой коммуны Аларским районуправлением было принято решение «об оказании ей содействия по оформлению перехода на другой устав»¹³.

Отдельные коммуны брали на себя уставные обязанности по проведению культурных и образовательных мероприятий как среди своих членов, так и среди окружающего населения. В коммуне им. Егорова большое внимание уделялось борьбе с неграмотностью. Для взрослых коммунаров и крестьян с. Холмушкино была открыта вечерняя школа. В других коллективах создавались школы для детей, небольшие библиотеки. Благодаря усилиям коммунаров сельские поселения впервые познакомились с дошкольными учреждениями. Именно забота о подрастающем поколении зачастую становилась одной из главных причин вступления в коммуну крестьянских семей.

Новая экономическая политика предоставила крестьянину возможность развивать индивидуальное хозяйство. Высокая степень обобществления в коммунах становилась главной причиной отказа середняков к вступлению в коллективные хозяйства. Перед бедняцкими слоями открывались перспективы ведения единоличного хозяйства. Все это приводило к выходу коммунаров и ликвидации коллективов. В целях ограничения выхода членов из коммун прибегали к изменению отдельных положений уставов. К примеру, в коммуне «Идеал» Черемховского уезда по решению общего собрания был изменен параграф устава о вступительном взносе, который с 25 % стоимости всего внесенного имущества возрос до 100 %. Однако данное решение затрудняло не только выход, но и вступление новых членов коммуны. При перерегистрации этой коммуны со стороны Черемховского уездного земельного комитета было указано на установление вступительного взноса в коммуну не выше 50 % стоимости внесенного имущества¹⁴.

К середине 1920-х гг. предпринимаются первые попытки к введению сдельной оплаты труда по количеству и качеству вложенного каждым коммунаром. Внедрение новой формы оплаты труда приводило к имущественному расслоению среди коммунаров, что способствовало созданию напряженной ситуации в коллективах. Прежде всего необходимо было разработать нормы выработки, учитывающие все особенности ведения сельскохозяйственных работ. Для решения этих задач требовалась разработка организационно-правовых документов. В 1925 году в Иркутской губернии в коммуне «Идеал» Аларского аймака была разработана первая инструкция по оплате и выдаче пособий, в которой устанавливались нормы выработки

¹³ Там же, Д. 21. Л. 53.

¹⁴ ГАИО. Ф. 46р. Оп. 11. Д. 3. Л. 1.

и расценки по отдельным видам работы, а также нормы авансовых выдач по оплате труда. При обследовании коммун Аларского аймака со стороны земельных органов отмечалось, что «коммуны в связи с новой экономической политикой перешли на систему некоторой заинтересованности членов в производстве – на оплату труда, тем не менее этот переход следует считать целесообразным и своевременным»¹⁵.

Однако введение новой организации и оплаты труда объективным образом сдерживалось отсутствием квалифицированных кадров в губернском и уездных земельных отделах. В 1925 году был переработан типовой устав сельскохозяйственной коммуны, в который были внесены новые положения, отражающие практику местного правотворчества передовых коллективов. В частности, включались пункты, рекомендовавшие распределять доходы соразмерно количеству труда, затраченного каждым членом коммуны, а также с учетом его квалификации. В то же время новый типовой устав допускал распределение произведенных благ по действительной потребности или по едокам, то есть сохранение уравнительного способа распределения. Этим фактом во многом объясняется низкая степень разработки в уставах сельскохозяйственных коммун положений об организации и оплате труда, поэтому вопросы материальной заинтересованности и сдельной оплаты труда получают практическую реализацию в период коллективизации.

Таким образом, сельскохозяйственные коммуны получили широкое распространение среди сельского населения, заметно превосходили другие формы сельскохозяйственной кооперации, а к концу 1920-х гг. были реорганизованы в сельскохозяйственные артели. Разоренное гражданской войной сельское хозяйство Сибири, масштабное обнищание крестьянства требовали объединительных усилий для преодоления этого кризиса. Подобной формой объединения крестьян стали сельскохозяйственные коммуны, сочетающие в себе коммунистические начала и радикальные методы их реализации. Одной из главных особенностей в деятельности коммун стала правотворческая инициатива ее членов по разработке и принятию уставов коллективов. Важно отметить, что первоначальный процесс разработки уставов коммун носил самодеятельный характер, проходил вне рамок государственного законодательства. Местные органы власти также не препятствовали как созданию коммун, так и их организационно-правовому оформлению. В дальнейшем большевистское руководство стремилось поддерживать местное правотворчество, направляя его в русло создания коммунистического общества и новых коллективных форм хозяйствования. С изменением сельскохозяйственной кооперации коммунам приходилось приспосабливаться к новым направлениям и вносить свои изменения в действующие уставы. Это в некоторой степени сказывалось на степени свободы и самостоятельность при организации хозяйственной и внутренней жизни коммунаров. Несмотря на утопический характер многих положений деятельности коммун, все же надо признать, что они создавались на добровольной основе крестьян, а правовые нормы коллективов формировались на основе самостоятельных решений. Первый опыт организационно-правового оформления коллективных хозяйств со всеми недостатками и достижениями послужил основой для дальнейшего развития кооперативного движения

¹⁵ Там же. Ф. 106. Оп. 1. Д. 21. Л. 53.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Цыкунов, Г. А. «Крестьянский коммунизм» в Сибири // Известия Лаборатории древних технологий. 2018. Т.14. № 2. С. 216–222.
2. Примерный устав сельскохозяйственных производительных коммун. Москва : Нар. ком. земледелия, 1919. 15 с.
3. Гришаев, В. В. Коммунары Сибири. Красноярск : Кн. изд-во, 1987. 166 с.
4. Чичулин, А. В. Советское кооперативное законодательство на пути огосударствления кооперации (1917–1931 гг.) // Вестник ТГПУ. 2017. Выпуск 3 (66). Серия: Гуманитарные науки. С.40–45.

REFERENCES

1. Tsykunov, G. A. «Krest'yanskij kommunizm» v Sibiri ["Peasant communism" in Siberia]. Izvestiya Laboratorii drevnih tekhnologij – Proceedings of the Laboratory of Ancient Technologies. 2018, vol. 14, no. 2. pp. 216-222. (In Russ.).
2. Primernyj ustav sel'skohozyajstvennyh proizvoditel'nyh kommun [The approximate charter of agricultural productive communes]. Moscow: Nar. com. agriculture, 1919, 15 p. (In Russ.).
3. Grishaev, V. V. Kommunary Sibiri [Communards of Siberia]. Krasnoyarsk, 1987, 166 p. (In Russ.).
4. Chechulin, A. V. Sovetskoe kooperativnoe zakonodatel'stvo na puti ogosudarstvleniya kooperacii (1917-1931gg.) [Soviet cooperative legislation on the path of nationalization of cooperation (1917-1931)]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Vestnik Tomsk State Pedagogical University. 2017, vol. 66, no. 3 (66), Series: Humanities, pp. 40-45. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Цыкунов Григорий Александрович, доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права. Институт государственного права и национальной безопасности Байкальского государственного университета, 664003, Иркутск, ул. Ленина, 11.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tsykunov Grigory Aleksandrovich, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Institute of State Law and National Security of the Baikal State University, 11 Lenin St., Irkutsk, 664003.

Статья поступила в редакцию 10.09.2025; одобрена после рецензирования 10.10.2025; принята к публикации 21.11.2025.

The article was submitted 10.09.2025; approved after reviewing 10.10.2025; accepted for publication 21.11.2025.